

Карл Шмитт и левая мысль

ПРЕДЕЛЫ СОВМЕСТИМОСТИ КОНЦЕПЦИЙ

Ирина Соболева

ПРОФЕССОР Миллар, персонаж знаменитой трилогии Линдсея Андерсона, был одержим идеей создания нового — конечно же, совершенного — биологического вида. Для этого при помощи медицинской иглы он пришивал человеческие головы к тому, что находил под рукой, например к телу барана. Но какими бы прочными ни были нити профессора, все созданные (точнее, сшитые) создания продемонстрировали гораздо меньшую живучесть, чем те виды, из органов которых они были составлены. Аналогичной тягой к экспериментальному вышиванию обладают, наверное, лишь политические философы, с благословения Жака Деррида деконструирующие и комбинирующие генетически не совсем совместимые виды, за тем исключением, что иногда результаты их работы получаются чуть более жизнеспособными, чем итог шивания барана и человека.

Например, творческий путь мыслителей вроде Дж. Агамбена и М. Оякангаса отмечен отважным стремлением соединить в рамках одной концепции правый и левый экстремумы критической теории: в их интерпретации «сторона обвинения» на суде над либерализмом представлена К. Шмиттом и М. Фуко. Понятия «правости» и «левизны» здесь скорее относятся к стилям мышления, чем к политической ориентации: Шмитт, хоть и получил в 1933 году партийный билет НСДАП, сохранил жизнь лишь благодаря поручительству Геббельса¹; Фуко, пробывший членом ФКП чуть больше трех лет, был записан в левые мыслители, хотя, как он сам шутил, «был аннексирован левыми или с определенного времени получил права гражданства»². Оба

мыслителя, однако, задали координатные оси правого и левого мышления, подходящие для рефлексии большинства политических феноменов. Эти феномены являются, как правило, порождениями либеральной политической конструкции. Потому при попытке найти пределы совместимости концепций Шмитта и левых мыслителей мы вынуждены сопротивляться искушению упростить интеллектуальную работу, основывая сопоставление их концептуальной логики на критическом отношении к либерализму и чуткости к историческому контексту. Добавить концепт биополитики — и можно считать бюджетный вариант «право-левой» концептуальной логики готовым. Есть, однако, второй, гораздо более затратный способ: выявлять имплицитные противоречия в структуре политических конструкций модерна и сравнивать механизмы их разрешения с правой и левой точек зрения.

В качестве иллюстрации рассмотрим, как привлечение и совмещение логики Шмитта и Фуко позволяют по-новому посмотреть даже на неоднократно исследованные проблемы, возникающие с употреблением понятия «суверенитет» в условиях трансформации суверенных государств³. И для Шмитта, и для Фуко очевидно парадоксальное свойство суверенитета, не улавливаемое в либеральной логике, а именно *совмещение в акте международного признания государства суверенности и легитимности власти*. В самом деле, с признанием суверенитета конкретного политического объединения косвенно признается и легитимность власти, это объединение создающей. Лишь с привлечением концепций Шмитта и Фуко возможно обнаружение противоречия между современным пониманием легитимной власти и инерционным употреблением понятия суверенитета в качестве основания утверждения этой легитимности. Совмещая взгляды Шмитта и Фуко, мы продемонстрируем, что восприятие суверенитета как основы легитимности обусловлено заложеной в нем амальгамой юридического и сакрального и является частным случаем характерной для западноевропейской политической традиции придания технике властвования самостоятельной ценности. *Подобно тому как христианство содержало в себе секулярный посыл, суверенитет как политический нарратив абсолютизма изначально нес в себе геном демократизации.*

1. Филиппов А. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / Пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 89.

2. Фуко М. Ответы философа // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные

политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 172.

3. Соболева И. Будущее мировой политики: через разрешение противоречия между принципом государственного суверенитета и правом наций на самоопределение — к новой эре международных отношений // Государственный суверенитет vs право наций на самоопределение: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Л. Рябинин; ред.-сост. Г. В. Лукьянов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011. С. 9–10.

СУВЕРЕНИТЕТ ВЛАСТИ КАК ПРИЧИНА ЕЕ ЛЕГИТИМНОСТИ — ЛОГИКА М. ФУКО

Суверенитет долгое время не был основным объектом исследования для Фуко; лишь в 1976 году вместе с проблемой политического и проблемой войны теория суверенитета осмысливается им в курсе лекций «Нужно защищать общество»⁴, вопреки авторской воле опубликованных *post mortem*. Ключевой особенностью этого осмысления является то, что суверенитет в «Нужно защищать общество» проблематизируется иначе, нежели в других монографиях, — не как *собственный* концептуальный конструкт, а как рассматриваемый *авторскими методами конструкт Томаса Гоббса*. Логика Фуко в описании суверенитета может быть сформулирована следующим образом. Изначально суверенитет заключался в трансформировавшемся из древнеримского *patria potestas* права власти на распоряжение смертью подданных. Появление новых прочтений боденовской концепции суверенитета явилось следствием формирования особого научного дискурса суверенитета, призванного легитимировать власть по исключительному признаку обладания этим правом. К XVIII веку процесс абсолютизации власти и одновременный прогресс в массовой коммуникации приводят к трансформации права на смерть в право на ответное действие, что становится стимулом для трансформации власти в невидимый комплекс процедур, контролирующих тело. В ходе этой эволюции власти происходит качественное изменение суверенитета — из позитивного признака (права власти) он становится ее органическим конституирующим свойством, не теряя при этом отсылки к совокупности устаревших логик легитимации власти. Фуко представляет читателю истинное, по его мнению, лицо суверенитета — сильнейшего идеологического конструкта, легитимирующего власть и разделяющего дискурсы историческо-политические (войны) и философско-юридические (власти суверена). Изначально теорией суверенитета объяснялась судьбоносность реализуемого в данном обществе вида монархии. Далее она определила необходимость создания административной монархии и стала основанием для создания политической организации. Затем теория суверенитета играла определяющую роль в вопросе поддержки власти, став «важным инструментом политической и теоретической борьбы по вопросам власти в XVI и XVII веках»⁵. На завершающем этапе своего развития, в XVIII веке, теория суверенитета создает аль-

4. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.

5. Там же. С. 54.

тернативное политическое устройство — парламентскую демократию. Таким образом, теория суверенитета пережила несколько пиков, пришедшихся на моменты острых политических кризисов, выступая в них в роли политически конституирующего дискурса. Начиная *говорить* о суверенитете, она его *создавала*, легитимировала новую неокрепшую власть на уровне понимания этой власти (вспомним феномен *gouvernementalité*). Согласно Фуко, в тот момент, когда решающим для власти стало обладание людьми и их социальными отношениями, а не землей и ее ресурсами, теория суверенитета перестала выполнять легитимирующую функцию, поскольку с разрушением базовой связки суверен-суверенитет-территория необходимость в сакрализации гарантирующей отправление власти в обществе персоны-суверена отпала. Но теория суверенитета сохранилась — в первую очередь *как легитимирующей власть дискурс и как основа права*.

Неоднозначность соотношения суверенитета и легитимности в пенитенциарном дискурсе Нового времени показывает, что базовые политические понятия, несущие при осмыслении современной политической реальности четко разделяемые и определяемые содержания, в момент своего смыслового оформления составляли единую лексико-семантическую группу. Так создавалась уникальная ситуация взаимообусловленности политических феноменов, наделявшая дискурс суверенности неограниченной силой. Поэтому Фуко, отмечая, что суверенитет приобретает не насилием или принуждением, а авторитетом, «устанавливается вовсе не через военное господство, а, наоборот, через расчет, который помогает избежать войны»⁶, затрагивает следующее из этой взаимообусловленности наложение и дальнейшую мультипликацию смыслов легитимности и суверенитета, и именно этим объясняется инерционное употребление базовых политических понятий в описании новых типов власти в их современных вариациях.

Фуко выстраивает следующие логические связи при проблематизации теории суверенитета:

1. Теория суверенитета является основой философско-юридического дискурса современности.
2. Главными функциями этого дискурса являются легитимация власти и создание основы права в обществе.
3. Для гарантии суверенитета властью исключается историко-политический дискурс, главным субъектом которого является не суверен, а социальная общность — нация, класс, etc.

6. Он же. Нужно защищать общество // Он же. Интеллектуалы и власть. С. 216.

4. Однако даже в те периоды истории, когда дискурс войны побеждал, его победа становилась одновременно и победой дискурса суверенитета, поскольку он актуален при создании *любой новой* политической общности.
5. Следовательно, единственным способом уничтожения существующей политической реальности является отказ от суверенитета как политической категории, что означает уничтожение любой политики в целом.

Первым существенным недостатком концепции Фуко является строго революционный характер описываемых форм власти. Рассуждая в его логике, мы должны отказаться от признания дискурса о суверенитете при исчезновении его реального основания — власти как борьбы за землю и ресурсы. История последних десятилетий, однако, показывает, насколько эффективными оказались идеологии, построенные на свойственном теории суверенитета модусе мышления: неоконсерватизм в США, национализм версии Бхаратия Джаната Пати (Индуистской народной партии) в Индии, парадигма политического реализма.

Второй недостаток связан с первым причиной возникновения. Фуко описывает, кажется, общее правило, по которому теория суверенитета легитимирует власть: она позволяет «основать абсолютную власть, требующую больших издержек, ей была чужда мысль о создании власти с минимумом издержек и максимумом эффективности»⁷. Предполагая, что действующие ныне формы власти «совсем нельзя описать с помощью понятий, заимствованных из теории суверенитета», он исключает изучение этого правила из своего дальнейшего анализа. Опять же существующие ныне политические режимы постсоветского пространства (особенно России, Казахстана, Туркменистана времен «Туркменбаши») демонстрируют классическую для теории суверенитета логику взаимодействия суверенного дискурса, власти и высоких издержек осуществления этой последней.

Далее Фуко отмечает, что суверен различает добро и зло, но не определяет, что является их основанием. Этот вопрос не решается в логике естественного права, поскольку политика Фуко не имеет никакого отношения к морали, и их взаимовлияния настолько изолированы, что говорить о естественных основаниях суверенного различения некорректно.

Игнорирование Фуко сакрального и провисание сакрального дискурса при явном доминировании философско-юридического и латентном — историко-политического приводит Фуко к игно-

7. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс... С. 55.

рированию сильной апелляции к сакральному в расовом дискурсе, хотя «любой народ раз в своей истории был богоизбранным»⁸.

И наконец, нельзя не заметить, что, заигрывая с уничтожением дисциплинарных практик, Фуко не проговаривает главного вывода: стремится ли он к сохранению государственного образования в принципе, и если нет, то *какую альтернативу политическому он предлагает?* Эта логическая незавершенность превращает его из претендента на рождение нового политико-исторического сознания в пусть и скрупулезного, но писателя эпохи, не борца, но основателя, что окончательно сбивает активизирующий посыл в «Нужно защищать общество».

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ СУВЕРЕНИТЕТА — ЛОГИКА К. ШМИТТА

Если суверенитет является основой легитимности, то при «обезглавливании короля» это основа исчезает и никакая власть более не способна соответствовать метафизическому представлению о ней. Никакая, кроме той, которая *сама* меняет это представление, создавая собственную истину. Это — диктатура. Диктатура имеет право на возвращение утраченного суверенитета, и Шмитту достаточно одной причины, оправдывающей ее: при диктатуре принимается решение. При всех остальных формах правления власть не легитимна, потому что она не создает себя. Ее просто нет. Диктатура не просто претендует на истину — она имеет на нее право, в то время как парламентаризм постоянно верифицирует любое принимаемое решение исходя из сиюминутного голосования по поводу абсолютных категорий⁹. Истина не дается в метафизическом отражении общности; она заменяется дискуссией, публичностью и принципом репрезентации¹⁰, банальной «функцией вечного соревнования мнений»¹¹. Важно не *решение*, а техника его принятия, публичность его создания, которая становится ценностью после революций начала XIX века.

Анализ суверенитета сквозь призму теологической компоненты позволяет понять, почему, противопоставляя диктатуру

8. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ.; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетицова. М.: Праксис, 2004. С. 35.

9. Там же.

10. Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. А. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. А. Кильдюшов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 48.

11. Он же. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 6–16.

либерализму, Шмитт воздерживается от антагонизма диктатуры и демократии, несмотря на то что демократия, согласно его логике, не может быть ни легитимной, ни суверенной, являясь не видом власти, а только *формой* ее организации. Из этого следует, что акт введения диктатуры ради устройства демократии и создания права является единственным суверенным актом в истории конкретной политической общности, а диктатура снимает свои полномочия вместе с выработанным суверенитетом; в таком случае неясно, как создается прецедент *суверенной* диктатуры¹², кто принимает решение о ее введении для конституирования нового политического и правового порядка и что происходит с суверенитетом до и после диктаторского периода.

Чтобы понять ответ на этот вопрос, необходимо воссоздать логику, которой Шмитт осмысляет проблему делегирования любой власти. Субъектом делегирования всегда является политическое единство, обладающее политической волей¹³ и реализующее акт политического решения. Политическая форма есть выражение политического единства в соответствии с двумя базовыми политическими принципами — тождества и репрезентации¹⁴. Если народ политически дееспособен *per se*, если он способен образовать политическое единство и — если мы говорим о государственном статусе этого народа — оно *уже* им образовано, имеет смысл говорить о реализации принципа тождества политической общности с самой собой, ее способности представлять саму себя¹⁵. В отсутствие этой способности рождается обратный принцип — принцип репрезентации¹⁶, предполагающий наличие некоторых людей, берущих на себя функцию представления политического единства. В отличие от принципа тождества, обладающего бинарным характером (строгая дизъюнкция между наличием и отсутствием тождества), принцип репрезентации имеет градацию, отражающую, насколько полно политическое единство народа репрезентируется выбранными (в широком смысле «выбранными») для этого людьми. В любой из политических систем, где властное решение принимается каким-то человеком — будь он абсолютный монарх, спикер парламента или премьер-министр, — имеет выражение принцип репрезентации.

12. *Он же*. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2005.

13. Kelly D. Carl Schmitt's Political Theory of Representation // Journal of the History of Ideas. 2004. Vol. 65. № 1. P. 113.

14. Engels J. Friend or Foe?: Naming the Enemy // Rhetoric & Public Affairs. 2009. Vol. 12. № 1. P. 39.

15. Bugarcic B. Populism, liberal democracy, and the rule of law in Central and Eastern Europe // Communist and Post-Communist Studies. 2008. Vol. 41. P. 201.

16. Шмитт К. Государство и политическая форма. С. 42.

Логично предположить, что на основании принципа политического тождества общество делегирует суверену право принять от его лица политическое решение и дать основание новому правовому порядку; такой порядок будет легитимным, поскольку суверен представляет общее политическое единство до тех пор, пока сохраняется эта связь¹⁷. Соответственно, *теряя изначально установленный суверенитет, власть лишается своей легитимности*.

«Словно вновь увидев свет после яркой вспышки, многие интерпретаторы... найдя противоречия в его работах, поняли, что Шмитт скорее ослеплял, чем освещал»¹⁸. Шмитт, описывая место и роль суверена в логике децизионизма, говорит, что он «стоит вне нормально действующего правопорядка и все же *принадлежит* ему, *ибо он компетентен решать*, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции»¹⁹, но как субъект может *принадлежать* тому, чего не существует до принимаемого им решения²⁰. Все нормативное в государстве Шмитт низводит до фактической реализации нормы, до решения, и суверен, соответственно, не существует до нормы, но существует в решении. Далее Шмитт отходит от этого важнейшего тезиса, не поясняя, почему *монополия на власть или монополия на принуждение (принципиально согласуемая с определением легитимной власти по Веберу) не могут гарантировать суверенитета*. Если власть — это исключительная способность самому принять решение, то почему *монополия на власть не тождественна монополии на решение, будучи ограниченной рациональной техникой*²¹, а не *иррациональным произволом*?

Хотя создать право может только *суверенная* диктатура²², любое конституционное устройство имеет в своей основе акт политического *диктаторского* решения в конкретный момент времени. Способность диктатуры принять политическое решение в логике Шмитта должна являться определяющим актом суверенитета, однако она предстает не как конечное создание суверенитета, а как финальный шаг в *подготовке* его появления на основании радикальной политической воли. Не принимая во внимание

17. *Он же*. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 208.

18. Müller J. Carl Schmitt — an occasional nationalist? // History of European Ideas. 1997. Vol. 23. Iss. 1. P. 20.

19. Ibid.

20. Филиппов А. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 51.

21. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 171.

22. «... while dictatorship is *norm-breaking*, sovereignty is *norm-founding*» (Kalyvas A. Democracy and the Politics of the Extraordinary. Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. N.Y.: Cambridge University Press. 2008. P. 91.

основания подчинения диктатору и его техническому аппарату в целом, вне децизионизма нельзя провести различие суверенной и комиссарской диктатур. Эти основания технически выражаются в идеологической логике легитимации, в символических соотношениях политического единства с метафизическим прообразом, не выражая, впрочем, главного; *любое основание подчинения господству, по Шмитту, проходит по тому же принципу, что и отождествление суверенитета и легитимности власти. Этот принцип выражается в неразличении воли общества (народа, нации) и высшего смысла de raison d'état.* Только при отождествлении субъектов и объектов власти вопрос о подчинении модифицируется в вопрос о признании, а разговор о конституирующей власти становится разговором о демократии²³.

Ясно, что столь неоднозначная предпосылка является довольно шатким основанием для политической теории без присутствия в семиотике общества символов и знаков, питающих суверена путем отсылки к трансцендентным основаниям легитимности. Иными словами, для устранения противоречий в логике Шмитта мы вынуждены перейти от пространства реального политического решения к *пространству политического мифа*, и этот переход совершенно оправдан. Недаром наиболее одиозные критики творчества Шмитта ставили ему в вину именно *производство политических мифов*²⁴.

В самом общем смысле слабостью логики Шмитта является ее неспособность разворачиваться вне контекста постоянного политического различия и противостояния. Говоря о критерии различия «друг–враг», Шмитт пишет, что определенный народ не обязательно «вечно должен быть другом или врагом. <...> Главное значение здесь имеет лишь возможность этого решающего случая, действительной борьбы, и решение о том, имеет ли место этот случай или нет»²⁵. Неясно, есть ли разница между «решающим случаем» как единичным суверенным актом и «действительной борьбой» как постоянным напряжением Левиафанов по Гоббсу (которые сами находятся в аналоге войны всех против всех)²⁶; корректна ли трактовка политики как череды суверенных актов с отсутствием любого политического действия между ними? Суверенное решение, по Шмитту, отмечает радикальное начало нового режима власти, создающего новые юридические структуры, фун-

даментальное право; суверен наделен конституирующим основывающим правом (*die verfassunggebende Gewalt und die begründende Gewalt*)²⁷, но что происходит на следующий день после принятия суверенного решения? Насколько реализуема суверенная власть в нормальном состоянии вне-исключения, как возможны вне-исключительные политические отношения и несuverенные властные решения? Является ли легитимность свойством единичного акта или проявляется в континуальной сохранности суверенитета? Иначе говоря, предельно исследуя исключение, Шмитт оставляет непоясненным происхождение правила.

Шмитт понимает конституирующую власть общественной воли как единственную демократически легитимную силу, создающую основания государства²⁸, но указывает, что демократическое государство не обязательно должно быть основано демократически; точнее, истинно демократическое государство, созданное политическим единством, вообще создается не демократически, а через акт суверенного решения. И возражения о том, как возможна гарантия перехода политической власти к политическому единству *после* суверенного акта решения, Шмитт парирует указанием на основу суверенного решения — общественная (*populus*) воля. Возникающий замкнутый круг преобразует нормативное измерение демократического идеала модерна и упрощает его до фиктивного признания чьей-либо воли волей всех, делая суверенитет нарративом, посредством которого власть постоянно санкционирует (легитимирует) сама себя как власть большинства²⁹, а видимость демократии представляет единственной основой существования политики. Таким образом, продолжая логику Шмитта, мы от симулякра государства переходим к симулякру демоса, завершая фундаментальное переворачивание концептуальной логики Фуко и Шмитта. *Первый становится поэтом сильного государства, второй — защитником символически демократического устройства политической жизни.*

ОБЩАЯ ОСНОВА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

В обеих концепциях техника власти воспринимается одновременно и как способ вовлечения индивида во властное пространство, и как логика организации государственной службы, и — что само важное — как *легитимирующее основание самой власти.*

23. Negri A. Insurgencies: constituent power and the modern state / M. Boscaqli (Trans.). Minnesota: Minnesota University Press, 1999. P. 1–2.

24. Надточий Э. Миф Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 29.

25. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.

26. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.

27. Kalyvas A. From the Act to the Decision: Hannah Arendt and the Question of Decisionism // Political Theory. 2004. Vol. 32. P. 323.

28. Idem. Democracy and the Politics of the Extraordinary. P. 95.

29. Suganami H. Understanding sovereignty through Kelsen/Schmitt // Review of International Studies. 2007. Vol. 33. P. 511.

Объяснять пафос Фуко в описании дисциплинарных практик одним лишь обнаружением их непосредственной функции легитимации власти не совсем корректно, однако в рамках нашего анализа его главный тезис о роли подобных практик в формировании восприятия власти представляется особенно значимым. Примечательно, что в самом тексте «Надзирать и наказывать» понятие легитимности упоминается только один раз, в результирующем пассаже последней главы «Карцер». Эта единичность употребления понятия легитимности — понятия, красной нитью проходящего через всю книгу, непроговариваемого и оттого наиболее сильно желаемого — допущена Фуко намеренно, ибо говорить о легитимности той власти, которая еще не дошла до видимого предела дисциплины, реализуемого в карцере, терминологически не *comme il faut*. Но с момента появления карцерной системы дуальность законности права и незаконности дисциплины окончательно формирует власть в эпоху модерна³⁰, а следовательно, мы можем указать и на легитимность этой власти.

Если для Фуко распространение техники напрямую основано на необходимости легитимировать власть, то Шмитт, иначе расставляя акценты, тоже признает идеологическую природу техники, говоря об эре «религиозной веры в нее»³¹. Левиафан является красивым символом техники власти, выражающейся в создании суверенного государства, но чем тогда является легитимность, как не признанием эффективности этой техники? И что пугает Шмитта больше всего, так это сама постановка вопроса о признании и *вере* в то, что априорно несопоставимо с категориями морали и ценностей; техника не оставляет место тайне власти и придает сакральному процессу политической организации внесоциальный характер, государству — роль нейтрального технического инструмента³², заставляет обратить внимание на технику, кому доверено управление бесчувственной машиной.

Учитывая, что техника осуществления власти является общепринятым случаем суверенитета как основы легитимности власти, можно говорить о свойственной западноевропейской политической традиции склонности сакрализировать не только власть, но и форму ее реализации. И если эта склонность наблюдалась на протяжении всей истории существования политического, то есть форма и способ организации власти всегда становились

основой ее легитимности, то наши рассуждения могут получить гораздо более широкое теоретическое основание.

Суммируем общие элементы концепций, способные дать объяснение *тождеству* трактовок суверенитета в концепциях Шмитта и Фуко:

- *Аналогии в концептуализации пространства.* По Фуко, логика определения властного пространства детерминирована фактом суверенности власти, а сила власти — способностью *закрывать* пространство вокруг властного объекта³³; здесь можно увидеть крайне любопытные аналогии в логике ограничения властного пространства суверенной властью по Шмитту. Власть, в концепции обоих мыслителей, реализуется в строго очерченном пространстве, внутри которого она суверенна.
- *Консервативный стиль мышления.* И Шмитт, и Фуко мыслили как консерваторы; в их стиле мышления проявляются и иррациональные компоненты властных отношений; оба ставили четыре значимые для консерватизма структурные проблемы³⁴ и предлагали конкретные — а значит, консервативные — методы их решения. Сходством стиля мышления объясняются неожиданные «постмодернистские» наклоны Шмитта или встречающиеся у Фуко правые тезисы. И, несмотря на различие в ценностных предпосылках, обоих мыслителей сближает их антилиберальность и ориентация на поиск ценностей в утопии прошлого.
- *Тайна власти и ее импликация.* Упомянутая проблематика техники власти пересекается с вниманием обоих авторов к ее имманентной эзотерике и культовой идее модерна — идее построения «прозрачного минимального государства, внутри которого не существует „тайного знания“ и нет таких сфер, которые были бы недоступны взору и контролю любого гражданина»³⁵. Роль, придаваемая Фуко эзотерике власти в концепции «юридического суверенитета», показана в «Воле к истине» как одна из неотъемлемых черт дискурса власти в исследуемую нами эпоху модерна: «Тайна не есть для нее нечто из ряда злоупотреблений — она необходима для самого функционирования вла-

30. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 444.

31. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 50.

32. Филиппов А. Политическая эзотерика и политическая техника в концепции Карла Шмитта // Полис. 2006. № 3. С. 133.

33. Кастель Р. Мишель Фуко и социология: к «истории настоящего» // Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. М.: Летний сад, 2001. С. 40.

34. Мангейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 138.

35. Алексеенкова Е. С., Сергеев В. М. Темный колодец власти // Полис: Политические исследования. 2008. № 3. С. 149.

сти»³⁶. Тогда как Шмитт объясняет конкретный механизм самосохранения власти через таинство техники, Фуко в первую очередь сосредоточивается на исторических основах этого сцепления, объясняя его появление естественным отбором тех властных институтов, которые смогли образовать амальгаму права, монархии и ее легитимности. Фуко лишь вскользь описывает тот финальный механизм, благодаря которому стало возможно государственное право в эпоху модерна, но в нашем исследовании он обладает чрезвычайной важностью: это *идентификация воли монархической власти с законом*. Вдумаемся в эту особенность сложившейся логики либеральной юридической мысли. Нормальная для абсолютизма логика отождествления воли монарха и издаваемого им закона претерпела изменения только во внешних ограничениях законодательства — процедурами его рассмотрения, участниками законодательного процесса, некоей нормой справедливости, на которую ориентируется сообщество, — которые стали формальным раскрытием тайны власти, но сам принцип отождествления (не просто реализации, а именно *отождествления*) воли суверена с законом продолжает определять все нормативные категории политического в современности.

- *Суверенитет как провокация*. В обеих концепциях суверенитет есть не только категория политической реальности и особенный тип оформления политической формы, но и провокативный концепт эпохи модерна. И для Шмитта, и для Фуко вопрос фактической политической конфигурации всегда есть следствие метафизического дискурса, следствие глубоких смыслов базовых политических понятий. «Спор о таких словах, как „государство“, „суверенитет“, „независимость“, был знаком лежавших глубже политических столкновений, а победитель не только писал историю, но определял также вокабулярий и терминологию»³⁷. Поскольку к таким понятиям относится и суверенитет, неудивительно, что как нарратив он продолжает создавать парадоксы в системе современного права, так как логика политического анализа насквозь изъедена ржавчиной монархического дискурса: «По сути дела, несмотря на различия эпох и целей, представление о власти продолжает не-

отступно преследоваться монархией. *В том, что касается политической мысли и политического анализа, король все еще не обезглавлен*. Отсюда и то значение, которое в теории власти все еще придается проблемам права и насилия, закона и беззакония, воли и свободы, особенно же — государства и суверенитета»³⁸ (курсив мой. — И.С.). На первый взгляд, различие в трактовке этого вывода обусловлено ценностными особенностями: Фуко предлагает отказаться от монархо-ориентированной логики политического права, Шмитт дополняет и обогащает уже имеющуюся. Однако не стоит забывать, что оба мыслителя претендовали на политическую значимость своих теорий, поэтому использование понятия суверенитета во всей провокативности смыслов проводилось ими осознанно.

ОБЩАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЛОГИКА: ДЕМОКРАТИЯ VS СУВЕРЕНИТЕТ

Мы хотели бы показать, как с позиций, предоставленных нам Шмиттом и Фуко, можно объяснить проблему обоснования легитимности власти фактом ее суверенности и необходимость отказа от доставшейся в наследство от абсолютизма логической связи. Вывод о неприменимости предложенной модерном трактовки государственного суверенитета, в свою очередь, является прологом к постановке вопроса о сущности власти в постсовременности и принципиальных возможностях ее концептуализации. Проблема признания суверенных государств в настоящее время решается в юридико-либеральном дискурсе международного права; поскольку проблематизировать суверенитет как основу легитимности в этом дискурсе невозможно, признание суверенитета вновь образующегося государства становится априорным признанием легитимности власти, его представляющей. Шмитт и Фуко замечательны тем, что пытаются осмыслить право в чуждой для классической либеральной традиции логической форме.

Вопреки либеральному пониманию права, в синтезируемой нами концепции право есть не ограничение власти, а одно из самых сильных ее орудий. Следовательно, суверенитет в контексте права как оружия представляет собой создание собственного легитимного взгляда на мир³⁹, после которого любое суждение

36. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 185–186.

37. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве // Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: 2009. URL: <http://conservatism.narod.ru/korinez/Grossri.doc>.

38. Фуко М. Воля к истине. С. 189.

39. Здесь мы делаем отсылку к концепту символической войны по П. Бурдьё: «То, что один и тот же мир вмещает в себя различные практики, создает основу... для символической войны за власть производить и навязывать

вне этой системы взглядов будет автоматически считаться ненормальным. *Готовность подданных признать законность дискриминации ненормальности — вне зависимости от уровня правовой лояльности — и будет считаться критерием легитимности конкретной власти.*

В концепцию суверенитета вошла отсылка к той радикальную воле⁴⁰, которая создала государственное устройство и, что еще важнее, создала саму возможность власти быть легитимной: понятие легитимности мультипликативно понятию справедливой власти и, в более общем смысле, понятию справедливости⁴¹, а оно, в свою очередь, не существует во внесударственном состоянии. В логике Гоббса в состоянии войны всех против всех «ничто не может быть несправедливым. <...> Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости»⁴². Шмитт и Фуко перенимают эту предпосылку, когда говорят о легитимности власти только в отношении ограниченного временного и политического периодов: периодов суверенной диктатуры или классических государств Нового времени, то есть ситуации создания новой политической общности. И это крайне важное допущение. Власть может быть основана не диктаторским путем; она может существовать в иной, нежели государство, политической форме; она может быть объектом модернизации и реформирования, и при этом она может *стать* легитимной, но *не иметь этого качества изначально*. Такая привилегия есть только у той власти, которая создала на новых основаниях справедливости новую политическую общность. В этом контексте интересно осмыслить разницу в легитимности власти в РФ, большинство жителей которой сохранили советскую идентичность в восприятии себя, территории и власти (за счет совпадения столиц, состава политической элиты, правопреемства СССР и пр.), и в бывших национальных республиках, обновление политического мировоззрения которых прошло по качественно другому сценарию; в логике Шмитта и Фуко единственной страной, не получившей суверенитета после распада СССР, стала Россия, поскольку в ней не было создано новой политической общности⁴³.

легитимность своего взгляда на мир» (*Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7. № 1. P. 20*).

40. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс... С. 110.

41. Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. № 2. С. 117.

42. Гоббс Т. Указ. соч. С. 98.

43. Заметим, что вывод делается без апелляции к проблеме многонациональности, которой иногда пытаются объяснить неудачи посткоммунистического транзита в России.

И Фуко, и Шмитт одинаково интерпретируют сакрализацию Гоббсом суверена как метафору символического тела монарха⁴⁴, что резонирует с ролью монаршего тела у М. Фуко (в заимствованной у Канторовича концепции двух тел короля) и шмиттовской трактовкой чудес у Гоббса⁴⁵. Оба выводят концепт суверенитета в сакральное пространство и довольно странно с ним там обращаются. Во-первых, суверенитет возникает как ответ политической власти на политическую претензию власти церковной и, согласно их логике, только с момента создания новой политической организации ее глава — суверен — получает сакральный статус. Неясно, куда исчезают другие сакральные объекты и, что самое странное, почему сакральное рождается только в момент создания суверена, тогда как культурологи, напротив, в каузальной связи «суверен» — «сакральное» на первое место помещают именно сакральное, поскольку как культурная универсалия оно появляется как «безличная сила — мана и лишь затем „приобретает форму“, связываясь со „спасителем“, богом и королем»⁴⁶. Их концепт суверенитета был бы гораздо более устойчивым и изошренным, будучи интегрированным в эволюцию сакрального в политическом дискурсе модерна. Во-вторых, ни Шмитт, ни Фуко не описывают, каким образом сохраняется связь между теологией и политологией, хотя исторически такая связь существовала и, более того, оказывала значительное влияние на восприятие власти. Вместо того чтобы проследить, как именно изменения в восприятии религии качественно изменили древние представления о сакральности монарха⁴⁷, они исходят из внутренней независимости религиозного сакрального и политического сакрального, что в контексте восприятия суверенитета как основы легитимности власти выглядит достаточно спорно.

Наконец, в-третьих, и Фуко⁴⁸, и Шмитт⁴⁹ выявляют легитимирующую роль политической теории по прямой аналогии с богословием: «Вокруг этой двойственности, близкой по происхождению к христологической модели, выстраиваются иконография, политическая теория монархии, правовые механизмы, которые различают и вместе с тем связывают личность короля и требования короны, и целый ритуал, достигающий своего

44. Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 45.

45. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С.186–187.

46. Ямпольский М. От символического тела к репрезентативному пространству // Новое литературное обозрение. 2002. № 4. С. 7.

47. Ямпольский М. Там же.

48. Ашкерев А. Ю. Политика и человеческое бытие в работах Мишеля Фуко // Человек. 2002. № 1. С. 116.

49. Сулимов К. Политико-философское понимание насилия: поиски смысла // Полис. 2004. № 3. С. 117.

апогея в коронации, погребении и церемониях подчинения»⁵⁰, не упоминая о таком принципиальном сходстве идеи политического и идеи божественного, как роль соответствующих божественных организаций в сотериологическом акте. Шмитт прав: суверенитет легитимен, поскольку техника его создания представляет собой нечто большее, чем простое изъятие воли. Но, доведя его мысль до конца, мы придем к аналогии суверена и спасителя, а ценность государственной машины, созданной как лучший механизм Нового времени, будет объясняться не ее эффективностью или нейтральностью, а феноменальной способностью к возвышению коллективного действия. «Чтобы перестроить мегамашину [спасения, гарантированного религиозной организацией. — И.С.] в совсем новом порядке, понадобилось перевести и старые мифы, и старое богословие на новый, более универсальный язык, что позволило бы ниспровергнуть и удалить фигуру царя, заменив ее еще более гигантским и бесчеловечным призраком „суверенного государства“, наделенного абсолютными, но далеко не божественными полномочиями»⁵¹.

Таким образом, множественные перерождения суверенитета являются истинными лишь до тех пор, пока остаются не просто сакрализованными, но сотериологически ориентированными. Замысел Третьего рейха был насыщен символикой спасения едва ли не в той же мере, что и акт строительства пирамид. Грандиозные проекты большевизма продолжали сохранять легитимность до тех пор, пока власть могла создавать образы будущего и ценности по сути мессианского характера. В этой логике во времена хрущевского возврата или брежневского застоя власть в СССР уже не была суверенной, так как сотериологическая компонента суверенитета не выполняла возложенную на нее роль поддержки веры в спасающую, терапевтическую функцию государственной машины.

Шмитту не удалось предотвратить уход суверена из символического пространства⁵² и передачу на усмотрение индивида приватную сферу веры (*faith*). Свобода индивидуальной воли превратила суверенную власть в симуляцию. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху» раскрывает эффект уничтожения суверена индивидуальной свободой через перцепцию безумия: «Свобода совести заключает в себе гораздо больше опасностей, нежели авторитарная и деспотическая власть»⁵³. Спа-

саясь от саморазложения, идея суверенитета переходит с тела короля на коллективное тело⁵⁴. Политическое сообщество становится тождественным самому себе, тем самым превращая ненужную более тождественность суверена в простой факт репрезентации⁵⁵. Но во всех переходах и фактических вариациях суверенитет сохраняет заложенную в него основу легитимности власти, несмотря на то что к концу модерна его изначальный носитель становится пустым множеством.

Последняя метаморфоза суверенитета — стать не просто основанием легитимности, а формой *самолегитимации* политической общности. А поскольку и Шмитт, и Фуко определяли демократию как технику отождествления правителей и управляемых, мы можем резюмировать, что, *подобно тому как христианство содержало в себе секулярный посыл, суверенитет как политический нарратив абсолютизма изначалью нес в себе ген демократизации.*

Как Фуко ошибался, полагая, что власть можно победить, выпустив наружу дискурс расы, так ошибался Шмитт, намереваясь спасти суверенитет юридическими кодексами и устанавливаемыми нормами. Причиной их ошибки была попытка расщепления власти до якобы независимых оснований юридического и сакрального. Однако там, где суверенитет является основой легитимности власти, попытки регулировать дискурс оборачиваются войнами, внеполитическое действие становится политическим, а любая попытка уничтожить государство заканчивается принятием нового решения. Неуправляемость сакрального в политике и понятия суверенитета в сотериологическом контексте делают задачу Фуко по обезглавливанию королей модерна невыполнимой хотя бы потому, что все короли уже были обезглавлены. *Осталась только техника, мифическая машина Левиафана, продолжающая продуцировать запрос о чуде и вере, вложенный в нее Гоббсом. И чем больше рассеиваются в политическом дискурсе частицы заложенной в понятии суверенитета легитимности, тем более тотальной становится эта власть.*

50. Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 45.

51. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова (1-я глава). М.: Логос, 2001.

52. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 97.

53. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 365.

54. Ямпольский М. Указ. соч. С. 13.

55. Там же. С. 15.